

**ИНТЕЛЛИГЕНТСКИЙ ДИСКУРС В ПОЛИТИКЕ:
СМЫСЛ, ЗАДАЧИ, ПОЛЬЗА И ВРЕД**

Эта статья заключает две другие публикации в «Науковом віснику», посвященные участию интеллигенции в политике [1]. Политологи и социологи, имея своим предметом общественное мнение, больше других подвергаются соблазну не просто исследовать общество как специалисты-наблюдатели, но вступить в поле политики, стать активными игроками и практиковать там мораль, то есть кантианский дискурс, поскольку его тема есть тема свободы. Вузовская интеллигенция, прошедшая советскую школу и пережившая бурный период «перестройки», пока еще близко к сердцу принимает тему «Интеллигент в политике», поскольку она порождает эмоциональный ряд от печали до тоски по утраченным иллюзиям. Ведь тогда многими из них был сделан заветный шаг в поле политики. Итак, в этой статье автор продолжает анализировать кантианский дискурс в политике в его сшибке с макиавеллистским, который культивируют профессиональные политики.

* * *

Сократа считали учителем политики. Сократ учил, что главное качество политика — это стремление к справедливости. Как пастух заботится о целостности стада, как врач думает о здоровье пациента, а не о гонораре, так и политик должен думать о пользе людей, которыми он управляет. Такой альтруизм одних забавлял, других раздражал. Люди, знающие жизнь, говорили ему то, что ему сказал «сильный человек», «реальный политик» Калликл в платоновском диалоге «Горгий». Он упрекнул Сократа в том, что тот всю жизнь, как дитя, занимается вздором, пустяками, играет словами, а попади он в тюрьму по несправедливому обвинению, то не смог бы элементарно себя защитить, позволил бы безнаказанно отхлестать себя по щекам и умер бы по приговору несправедливого суда, случись таковой. Таковой и случился [2]. Цицерон в своем диалоге «О государстве» спорит с прочно устоявшейся в его время точкой зрения: «...мудрый не станет принимать никакого участия в делах государства, если только обстоятельства и необходимость не заставят его» [3, с. 10]. На это он резонно возражает: «...в высказываниях ученых людей мне обычно кажется наиболее странным то, что они же объявляют о своем намерении встать у кормила, когда на море разыграется сильнейшая буря. Ведь они склонны открыто говорить и даже превозносить себя за то, что никогда не обучались ни устройению, ни защите государства, не обучают этому других и полагают, что знание всего этого следует предоставить не людям ученым и мудрым, а искушенным в этом деле» [там же].

В нашем Отечестве есть своя традиция. Сопоставления и переключки разных эпох с нашей современностью довольно просто укладываются в надысторические формулы, где с одной стороны будут власть, бюрократия, порядок и патриотическая риторика, с другой - общество, интеллигенция, западничество и тезис «так дальше жить нельзя». Ничто не ново под луной. Со слова «гласность» начались реформы Александра Второго, над словами «ускорение» и «перестройка» в исполнении российских чиновников потешался в свое время Салтыков-Щедрин.

Таким образом, вхождение в политику людей интеллектуального труда как прошенных и непрошенных *гостей* является не случаем, а мировой традицией. Власть нуждается в интеллекте, а интеллигенция испытывает потребность влиять на власть.

Когда разыгралась буря горбачевской «перестройки», наша интеллигенция бодро потянулась в политику, чтобы от имени общества сказать власти правду истории и правду действительности: в истории - сталинщина, в действительности - крайне неэффективная административная система управления экономикой. Сказали очень эффектно, убедительно. В результате буря превратилась в цунами и похоронила под собой не только «перестройку», но и государство. Из передраги вышли побитыми и обескураженными. Впрочем, не все. К примеру, дальновидный Г.Х. Попов добровольно и очень вовремя отошел «в сторонку» - стал Президентом вновь созданного Международного Университета в Москве, Президентом Вольного экономического общества России, академиком Академии естественных наук и проч. Он заявил, что не согласен с новым курсом власти, уходит в оппозицию, но его «оппозицию» никто всерьез не принял. Вернулся на «свое место» ректором Историко-архивного института Ю. Н. Афанасьев, тоже ставший академиком. В духе времени институт был переименован в Российский Гуманитарный Университет, а его ректор, естественно, превратился в Президента одного. Виталий Коротич из кресла редактора забойного журнала «Огонек» прыгнул аж через океан и приземлился профессором одного из американских университетов. Ушли в тень академики от экономики Абалкин, Аганбегян, Петраков, Шаталин, академик-социолог Заславская.

Автор публицистического очерка «Анатолий Собчак: жизнь по ошибке», ректор Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, доктор социологических наук А.С. Запесоцкий поделился своими наблюдениями за лидерами политической интеллигенции времен «перестройки»: «...скажу, что интеллигенты — инициаторы и проводники российских реформ — люди очень опасные в силу своего исключительного личного обаяния. В 90-е годы моими гостями в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов были Гавриил Попов, Галина Старовойтова, Юрий Афанасьев, Юрий Рыжов, Сергей Филатов, Олег Попцов, Александр Яковлев и многие другие лидеры перестройки 80-х годов. <...> Так вот: к моему искреннему удивлению, ни один из

демократических лидеров минувших лет, включая Собчака, не считал себя ответственным за развал Советского Союза, за прямые последствия своих действий в Верховном Совете СССР и на прочих своих высоких постах. Интересно и странно было слушать, к примеру, как Гавриил Попов или Анатолий Собчак с возмущением рассказывали студентам, какими яростными противниками соглашения в Беловежской пуще, оказывается, они были. Смысл их исторической самооценки сводился к тому, что они-то, дескать, все делали правильно, и пока Горбачев (сначала) и Ельцин (потом) их слушались, все шло хорошо. А вот позднее, когда их перестали слушать, все в стране пошло наперекосяк. В какой-то момент, дескать, первые лица государства стали опираться при принятии решений на совсем других людей, грубых, циничных, жадных, беспринципных. И страна рухнула. Ну, а то, что демократы расчистили, открыли дорогу к власти “совсем другим людям”, они как бы и не замечали» [4].

Лично меня более всего трогает наивное убеждение упомянутых в цитате лиц, будто они руководили действиями Горбачева и Ельцина. Представляется, что дело обстояло как раз наоборот: был факт использования научной интеллигенции в политических целях властными персонажами. Примечательно, что свой рассказ о печальной политической судьбе ярчайшего демократа той поры, блестящего профессора Анатолия Александровича Собчака А.С. Запесоцкий подытожил следующим выводом: «...для многолетнего, стабильного успеха в политике Собчак, возможно, был слишком честным, искренним и гордым человеком. Ему, на мой взгляд, не хватало гибкости хребта, умения приспособливаться, способности склонить голову перед обстоятельствами. В этой связи он был обречен. Своим поражением Собчак окончательно подтвердил свое право на место в ряду петербургских интеллигентов, — социального слоя, отодвинутого “новыми русскими” на обочину исторического развития» [там же].

Отдельную группу представляет так называемое экспертное сообщество. В книге «Идеология и мать ее наука» С. Кара-Мурза пишет: «Можно говорить о нравственной болезни, которая поразила ту часть элитарной интеллигенции, что выступает в качестве экспертов. Эта болезнь — утрата чувства сострадания к простому человеку. Вот перед выборами 1993 г. выступил по ТВ Ю. Левада, директор ВЦИОМ. Это напоминало отчет разведчика штабу, ведущему войну против собственного народа. Хотелось ущипнуть себя за руку — ведь это социолог, как бы врач, ставящий диагноз обществу. Разве позволено ему участвовать в войне? Он успокаивает ведущего: непримиримых противников режима всего 20% населения (всего-то 30 миллионов человек!), но вы не беспокойтесь — это люди в основном пожилые, без высшего образования, им трудно организовать. Дескать, подавить их сторонникам режима, людям молодым, энергичным и уже захватившим большие деньги, труда не составит». «Какой разрыв с извечной моралью!» - восклицает автор [5, с. 193].

Здесь можно порассуждать на тему, что есть мораль и мораль. Мораль индивидуальная, христианская, кантианская, интеллигентская и мораль политическая, макиавеллистская. «Все, что является нравственным злом, является злом и в политике» — эти слова Жан-Жака Руссо обнаруживает в нем человека, подходящего к политике с интеллигентской меркой. Ирония истории заключается в том, что сочинения этого гуманиста и сентиментального человека были использованы идеалистами, развязавшими якобинский террор.

На войне как на войне. Там надо убивать противника, не рассуждая о том, что он тоже человек, и у него есть папа с мамой. Политическая мораль — это групповая мораль: что хорошо моей группе, то хорошо и мне. Главное — правильно идентифицироваться. Полагаю, г-н Левада настолько вовлекся в политическую войну, что логика этой войны привела его в «демократический лагерь», где все главные роли демократов разобрали ельциноиды. Видимо, Левада как интеллигент и социолог по совместительству был настолько парализован страхом от мифического противостояния коммунистическому реваншу, что ему не пришло в голову заглянуть в физиономии этих демократов.

Интеллигент во власти или прислуживающий, подыгрывающий власти — это действительно негодяйский тип, идущий вразрез с нашей, да и западной традицией. Социальная функция интеллигента в политике — это внесение в нее морали как главного критерия ее правильности, демократичности. Ведь «народ» оценивает действия власти, того или иного политика прежде всего с позиций общей морали. Оценивает-то оценивает, но сформулировать свои претензии к власти не способен. Это и есть функция политической интеллигенции. Она может и должна быть голосом «общества». Продолжая античную аналогию политики с бурным морем, можно сказать, что различие между интеллигентами и профессионалами в политике такое же, как и между джентльменами и моряками в афоризме английского историка Томаса Маколея (1800-1859), который написал: «Во флоте Карла II были джентльмены и моряки, но моряки не были джентльменами, а джентльмены — моряками». Джентльмен облагораживает жизнь, а профессионал делает ее цивилизованной.

Впрочем, здесь я несколько изменил аспект нашего разговора. Ведь одно дело — заниматься общественно-политической деятельностью, вести диалог с властью, организовывать давление на нее со стороны гражданских институтов и общественно-политических организаций, другое — идти во власть, самому стать Властью. Часть творческой и научной интеллигенции пошла во власть, прежде всего в выборную. Эти же люди активно участвовали в создании новых партий. Многие впоследствии ушли из активной политики, потому что поняли, что их используют. Но были и есть такие, которые сами зарекомендовали себя как более-менее ловкие манипуляторы. С. Кургинян, Г. Павловский и прочие из так называемого «экспертного сообщества» в разное время претендовали на роль кремлевских кукловодов. Они, если и были, что весьма сомнительно, то

перестали быть интеллигентами, хотя качества интеллектуалов никто за ними не отрицает.

Рассмотрим один конкретный пример вхождения во власть из научной сферы на украинском материале. Николай Владимирович Томенко родился 11 декабря 1964 г. в селе Черкасской области. В 1989 г. этот сельский паренек закончил исторический факультет Киевского университета, защитил диссертацию в 28 лет и начал бурно делать карьеру в качестве политолога. Завкафедрой, директор одного института, потом другого... Ему этого было мало. Занимаясь в течение ряда лет мониторингом политической жизни Украины, он вошел в контакт со многими политическими деятелями, потерялся около партий и общественных организаций, нашел «свое место» в рядах оранжевой оппозиции и удачно «выстрелил» - сразу же занял в революционном правительстве Ю. Тимошенко высокий пост «главного гуманитария», тот пост, на который метили именитые националисты из писательско-филологической среды. Но его беда в том, что миф героя-интеллектуала не по нему скроен. Масштаб личности, недостаток общей культуры и просто жизненного опыта, а также не выветрившееся революционное похмелье не позволили ему занять единственно правильное положение над схватками и драчками претендующих на общественное внимание деятелей культуры, серьезных научных и культурных учреждений. Его, как Остапа Бендера, «понесло». Он стал лично «руководить» интеллигенцией, наживая себе врагов и несогласных своими односторонними, как флюс, и неделикатными, как таракан в сметане, публичными высказываниями. Скандалы посыпались как из рога изобилия. Интернет наполнился сайтами «про Мыколу Томэнко» с язвительными комментариями, анекдотами и даже частушками. Были и серьезные публичные оплеухи вроде открытого письма Я. Табачника. Не успел я напроорочить ему быструю отставку, как он вылетел из правительства со второй космической скоростью. Возможно, со временем, приобретя опыт, Томенко станет отличным политиком, поскольку соответствующие качества он продемонстрировал. Но я утверждаю, что г-н Томенко никогда не был интеллигентом в исконном значении этого слова и никогда им не станет в силу макиавеллистской структуры своей личности, неутоленной комсомольской жажды «порулить». В этом диагнозе нет ничего оскорбительного. Просто истинных интеллигентов власть, демонстрируя безошибочный инстинкт, выкидывает из своей среды.

Политик и интеллигент обитают в разных мирах, которые соприкасаются, но не смешиваются. По Шпенглеру – это мир фактов и мир идей. Политик и интеллигент – разные по структуре сознания, ценностному восприятию люди. Именно в силу своей разности они испытывают болезненное притяжение друг к другу, что-то вроде любопытства. При этом политик думает: «Неужели он не притворяется! Неужели этот чудак действительно готов обменять дворцовые покои на пустую бочку из-под вина?». А интеллигент: «Неужели он на самом

деле такой подлец, на котором печати ставить негде! Неужели в нем нет ничего человеческого, сострадательного?!» Или: «Каково же это – обладая таким нечеловеческим могуществом, ходить на унитаз, как все простые люди!»

Посредником между этими двумя чистыми типажам выступает чиновник. Чиновник может быть образованным, обладать теоретическим воображением, что делает его отчасти интеллигентным. В то же время чиновник имеет административную власть, что делает его отчасти политиком.

Сам я в результате размышлений над ролью интеллигенции в политике пришел к выводу, что ее участие в политике необходимо, а в условиях демократии может быть и эффективно. В целом роль политической интеллигенции позитивна, но неоднозначна. Это самостоятельный дискурс в политике.

Он дополняет и «выравнивает» макиавеллистский дискурс политических профессионалов. Внесение интеллигентского идеализма в политику равносильно проветриванию душной атмосферы в тесном закрытом помещении.

Но есть у интеллигентского утопизма грани, которые не заслуживают позитивной оценки. Например, ее призыв к власти стать интеллигентной. Интеллигентская власть – это платоновский философ-правитель, обладающий одним забавным свойством – умением совершать челночные движения вниз-вверх по лестнице внутри башни из слоновой кости с целью узреть на небосклоне солнцеподобную идею общего блага и немедленно спуститься вниз к народу, чтобы сообщить на понятном ему языке о ее состоянии. Не забудем и вольтеровского *философа на троне*. Солженицын понял химерическую природу этого продукта интеллигентского *коллективного бессознательного* и придумал ему выразительное название. Интеллигентная власть – это «тигроголубь». Интеллигентной власти в природе не бывает. Отсюда вытекает, что естественное место интеллигенции в политике – в оппозиции к власти.

Попытки встать рядом и наставлять людей власти в правде и справедливости, как правило, заканчиваются печально. Примеров тьма. Еще ненормальней и, я бы сказал, трагичней, положение политика, вознамерившегося морализировать. Яркий пример перед нашими глазами – Горбачев.

Интеллигентский идеализм и утопизм проявляется не только в забавной претензии к политикам быть подальше от политики. Вот цитата из статьи Александра Дмитриева: «...советская интеллигенция периода перестройки была не прямой наследницей "старой" дореволюционной интеллигенции, а, главным образом, порождением советской массовой образовательной системы 1930 - 1970-х годов. И только в модусе чисто идеологической и воображаемой преемственности этот слой и его активная часть могли присвоить традиции Герцена, радикалов-разночинцев и мандельштамовской «присяги четвертому сословию». Носителями полу- и околорассидаментской оппозиционной идеологии были воспитанные советскими институтами и университетами специалисты и государственные служащие, бывшие частью системы уже хотя бы потому, что

никакой возможности успешной профессиональной реализации вне этой системы и предоставленных ею ресурсов просто не существовало. Именно потому политический и экономический крах советского строя не мог не быть и крушением социального уклада и жизненного мира тех людей, которые, казалось бы, были от него идеологически и морально весьма далеки и не питали уже никаких иллюзий насчет «социализма с человеческим лицом» [6].

Итак, «прогрессивная», «демократическая» интеллигенция в годы перестройки, легко поддавшись на провокацию власти, превратилась в политически ангажированную силу, авторитетную в глазах народа, и безоглядно кинулась добывать себе и народу свободу от гарантированной зарплаты, социальных благ и возможности трудиться по специальности. Она радостно хоронила советский реальный социализм, не подозревая, что хоронит своего родителя, а заодно и свои романтические антикапиталистические идеалы! Перед глазами встает картина нидерландского художника XV1 века Питера Брейгеля Старшего «Слепые». Таков образ нашей политической интеллигенции того времени.

В ходе обсуждения указанных публикаций автора на научном семинаре кафедры социологии Одесского национального университета был сформулирован закономерный вопрос: есть ли у интеллигенции собственные интересы? Действительно, у кого-то может создаться впечатление от прочитанных текстов, что автор жестко разводит: у интеллигенции – идеалы, у политиков – интересы. Поэтому я обязан уточнить, что речь идет о теоретических моделях взаимодействия в политическом поле интеллигенции и политического класса. В жизни далеко не все интеллектуалы беспочвенны, а политики бескрылы. Например, того же Г. Попова трудно заподозрить в душевной простоте. Он и ему подобные, уйдя из публичной политики, тем не менее сохранили свою принадлежность к властной элите и сопутствующие этому жизненные блага.

Интеллектуалы кровно заинтересованы в демократии, в правах человека и прежде всего в свободе слова, поскольку работают со словом. Для них это возможность заработать себе на достойную жизнь. А взять хотя бы возможность свободного выезда за границу. Какие возможности вместе с ней открылись, например, для деятелей искусства, ученых, шахматистов экстра-класса! Следует откровенно сказать, что в народе к диссидентам советской эпохи относились равнодушно, ибо их борьба за свободу воспринималась как личное дело единиц.

В передаче радиостанции «Эхо Москвы» 21 Августа 2005 г., посвященной оценке событий 19-21 августа 1991 года, радиослушательница некая Нина, финансист из Москвы, так высказала свое сомнение в бескорыстии интеллигентов-демократов: «Нельзя любить народ, кушая лобстеры в своем

особняке на Рублевке» [7]. Это верно, народ любить нельзя, а демократию можно. Демократия и народолюбие – это принципиально разные вещи. Несмотря на легкое недовольство режимом управляемой демократии Путина в России или «оранжевым режимом» в Украине, элитарная часть интеллектуалов, прикрепившись к власти, имеет возможности неплохо зарабатывать, приобретать новые квартиры, машины, дачи. Народ своей бедностью и неспособностью вписаться в заимствованные с Запада стандарты только раздражает.

В этой же передаче высказывался бывший помощник Б. Ельцина и заместитель Г. Попова в бытность его мэром Москвы Сергей Станкевич. Отвечая на вопрос, почему демократы все же проиграли, он заявил: «У нас был уничтожен самодетельный слой, полностью уничтожен, дотла» [там же].

Позволю себе возразить Станкевичу, сославшись на великого французского политического мыслителя Алексиса де Токвиля, который писал в своей знаменитой книге «Старый порядок и революция» о том, что революционерам свойственно сильно преувеличивать деспотизм Старого порядка. Откуда взялись великие граждане великого народа? Они воспитывались в недрах Старого порядка, а Революция лишь открыла их.

Я убежден, что Советская власть со всеми своими недостатками и достоинствами создала почву, на которой выросли поколения интеллигентов, готовых к благородству и самопожертвованию. Установившийся после революции Современный порядок породил совсем другой тип – тип интеллектуала-рыночника, приспособленца к реалиям новой жизни, продающего свою способность манипулировать смыслами и идеями на политическом рынке той партии, которая больше заплатит.

Если в 1989-91-х годах нас воспитывал Анатолий Александрович Собчак, то сегодня преподает уроки жизни его дочь небезызвестная Ксюша Собчак. Такова траектория общественного падения. Людей типа С.Б. Станкевича формации 1989-91 года сегодня просто нет. «Вы никогда бы не увидели мир. Вы не получили бы, ни вы, ни ваши дети такого образования. Подумайте просто об этом, насколько велики, интересны и масштабны ваши жизненные траектории сегодня, какие возможности для самореализации получили вы и какие еще большие возможности получают ваши дети», – так расписывает сегодняшний Станкевич прелести новой жизни [там же]. Когда я слушаю или читаю подобное, то хорошо понимаю, что главная причина всенародного разочарования в демократии заключается в том, что слишком далеки демократы от народа.

Упомянутый А. Дмитриев пишет: «интеллигенция советского времени после конца советского строя как группа с пусть и размытыми, но когерентными установками и ценностями в общем перестала существовать» [6]. Это похоже на правду. Нет, интеллигенты еще остались и доживают свой век, но интеллигенция как слой с характерными социальными и политическими чертами сошла на нет. Мы избавились от своих идеалов, потому что идеалы нас предали. Мы можем

рассуждать о справедливом государственном порядке, но как группа вузовской интеллигенции защитить себя не можем даже от произвола собственных начальников. По силе солидарности мы уступаем пионерскому отряду, октябрятской звездочке, группе детского сада. Нас «зачистили», как чеченский аул. Если бы сегодня кому-то пришло в голову подписать нас на займы, как подписывали на сталинские займы и обязывали покупать лотереи наших родителей, мы покорно приняли бы это к исполнению. Мы, как преподавательский корпус, интеллектуалы (а не группа избранных), являемся лишь объектом, а не субъектом современного политического процесса. В этом положении нам по одиночке и всем вместе ничего не остается как прильнуть к текущей власти и клятвенно ей обещать исследовать только одну категорию, достойную научного анализа, - это патриотизм.

Литература

1. Гребенник Г.П. Интеллигент как политический активист // Науковий вісник. – 2006. - № 3 (23). – Одеса: Одеський державний економічний ун-т, 2005. – С. 75 – 87. Егоже. Интеллектуалы в политике: западная традиция // Там же. - № 7 (27). – С. 82-92.
2. См. об этом: Гребенник Г.П. Проблема Сократа: критический комментарий к интерпретации Б.Г. Капустина // Перспективи: науковий журнал. – 2005. - №2(30). – Одеса: Південноукраїнський державний педагогічний ун-т, 2005. – С. 117-123.
3. Цицерон. Диалоги. – М.: Научно-издат. центр „Ладомир” – „Наука”, 1994. – 224с.
4. Запесоцкий А.С. Анатолий Собчак: жизнь по ошибке // Нева. – 2006. - №3 // <http://magazines.russ.ru/neva/2006/3/za7.html>
5. Кара-Мурза С. Идеология и мать ее наука.- М.: Алгоритм, 2002. – 256с.
6. Дмитриев А. Бремя автономии (революция, интеллигенция и высшая школа: 1905 - 2005)//Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре.-2005.- №44// <http://www.nz-online.ru/print.phtml?aid=55011631>
7. Альбац Е. Почему демократы проиграли? <http://echo.msk.ru/guests/1372/>
11. *Статья опубликована на русском языке в: Науковий вісник: фак. зб. наукових праць Одеського національного економічного університету. - 2006. - № 8 (28). – С. 147-157.*